

УДК 81'42:316.77

А. К. Шевцова

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ КРИЗИСНОГО ДИСКУРСА:
ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ И АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ**

Статья посвящена анализу исследовательских парадигм кризисного дискурса как ключевого феномена в эпоху глобальных потрясений и проблеме его дефиниции. Автор подчеркивает, что язык не просто описывает кризисы, но и активно конструирует их, выступая инструментом манипуляции, консолидации или поляризации общества. В работе проводится критический обзор существующих подходов к изучению кризисного дискурса (исследования Ф. А. Ветрова, Т. Н. Митрохиной, социокогнитивный подход Т. ван Дейка и нарративная теория Т. Л. Селлнау и М. В. Сигера). Выявляется основной пробел в исследованиях – отсутствие единого лингвистического определения кризисного дискурса, который часто сводится к политическому или экономическому контексту. В качестве методологической основы предлагается синтез критического дискурс-анализа Н. Фэрклоу и постструктуралистского подхода Э. Лаклау и Ш. Муффа, что позволяет рассматривать кризисный дискурс как динамическое семиотическое поле борьбы за значения.

Итогом исследования становится авторское определение кризисного дискурса как социально детерминированного типа коммуникации, вербализующего осмысление экстраординарной ситуации. Его лингвистическая специфика раскрывается через обязательные прагматические координаты, специализированный инструментарий (стратегии поляризации, аргументативные тактики и др.) и когнитивные механизмы рецепции. Подчеркивается диалектическая природа дискурса: будучи продуктом кризиса, он одновременно становится активным фактором его конструирования.

Ключевые слова: кризисный дискурс, критический дискурс-анализ, постструктуралистский подход, социокогнитивный подход, узловые точки дискурсивности.

Для цитирования: Шевцова А. К. Лингвистические параметры кризисного дискурса: проблемы дефиниции и анализ ключевых исследовательских парадигм // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. 2026. № 1 (303). С. 167–174.

DOI: 10.52065/2520-6729-2026-303-17.

A. K. Shevtsova

Mogilev State A. A. Kuleshov University

**LINGUISTIC PARAMETERS OF CRISIS DISCOURSE: PROBLEMS
OF DEFINITION AND ANALYSIS OF KEY RESEARCH PARADIGMS**

The article analyzes research paradigms of crisis discourse as a key phenomenon in the era of global upheavals and addresses the problem of its definition. The author emphasizes that language does not merely describe crises but actively constructs them, serving as a tool for manipulation, consolidation, or polarization of society. The study provides a critical review of existing approaches to the study of crisis discourse, including the works of F. A. Vetrov, T. N. Mitrokhina, the socio-cognitive approach of T. van Dijk and the narrative theory of T. L. Sellnow and M. W. Seeger. The main gap in research has been identified – the lack of a unified linguistic definition of crisis discourse, which is often reduced to political or economic contexts. As a methodological foundation, a synthesis of N. Fairclough's critical discourse analysis and the post-structuralist approach of E. Laclau and C. Mouffe is proposed, enabling crisis discourse to be examined as a dynamic semiotic field of struggle over meanings.

The outcome of the study is the author's definition of crisis discourse as a socially determined type of communication that verbalizes the comprehension of an extraordinary situation. Its linguistic specificity is revealed through mandatory pragmatic coordinates, specialized tools and cognitive mechanisms of reception. The dialectical nature of discourse is emphasized: while being a product of a crisis, it simultaneously becomes an active factor in its construction.

Keywords: crisis discourse, critical discourse analysis, post-structuralist approach, socio-cognitive approach, nodal points of discursivity.

For citation: Shevtsova A. K. Linguistic parameters of crisis discourse: problems of definition and analysis of key research paradigms. *Proceedings of BSTU, issue 4, Print- and Mediatechnologies*, 2026, no. 1 (303), pp. 167–174 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6729-2026-303-17.

Введение. В эпоху глобальных потрясений (пандемий, военных конфликтов, экологических катастроф) язык становится не просто инструментом описания кризисов, а мощным механизмом их конструирования, усиления или смягчения. Лингвистический анализ позволяет выявить манипулятивные стратегии в медиа и политических нарративах, деконструировать механизмы распространения паники или консолидации общества, а также разработать этичные и эффективные коммуникативные модели для кризисного менеджмента, что делает это направление жизненно важным для понимания и регуляции сложных процессов в цифровом обществе.

Основная часть. Понятие «кризисного дискурса» стало распространяться в отечественном языкознании в начале XXI в. в связи с мировым социально-экономическим кризисом. В 2010–2012 гг. кризисный дискурс упоминается в работах Ф. А. Ветрова в тесной связи с дихотомией мифологем «моногород – инноград» [1]. Исследователь выдвигает гипотезу о полюсообразном представлении кризисного дискурса в деловых средствах массовой информации. При этом на одном полюсе располагается моногород, который ассоциируется с остатками советского прошлого, а на другом полюсе – инноград, воплощающий инновационный проект будущего [1]. Несмотря на акцент в сторону экономического дискурса и достаточно узконаправленную интерпретацию кризисного дискурса, Ф. А. Ветров приходит к выводу о целесообразности применения функционально-когнитивного анализа как составной части дискурс-анализа, который, по мнению ученого, особенно продуктивен при анализе масс-медиа продукции [2].

Таким образом, можно прийти к умозаключению о том, что наиболее продуктивным источником фактического материала для анализа кризисного дискурса могут служить СМИ, поскольку они отражают вербальную составляющую кризисных коммуникаций. А инструментами отражения кризиса в данном виде дискурса могут служить хронотоп кризиса, характеристики кризиса, прогностичность и экспертность в его отражении [3].

Одним из первых определений кризисного дискурса явилась дефиниция, сформулированная доктором политических наук, профессором Митрохиной Т. Н.: это «совокупность коммуникативных практик, имеющих вербальный и невербальный характер, интегрированных по такому проблемному основанию, как отношение к кризисным явлениям и характерных для определенного социального сообщества» [4, с. 137]. Автор рассматривает дискурсивные практики как инструмент социально-политической инженерии, а кризисность анализируется относительно ситуаций в политической сфере. Несмотря на значительный крен в сторону политологии, настоящий подход к пониманию кризисного дискурса получил широкое распространение и в лингвистических исследованиях. В том числе из работ Т. Н. Митрохиной были заимствованы «узловые точки дискурсивности»: 1) признание факта кризиса; 2) оценка его глубины и сущности; 3) анализ причин; 4) направление и эффективность антикризисных мер; 5) определение виновников; 6) оценка эффективности деятельности управленческих структур в преодолении кризиса; 7) оценка и прогнозирование последствий [4].

Обзор лингвистических исследований, посвященных анализу кризисного дискурса, показал, что большинство работ опирается на определение Т. Н. Митрохиной, классификации, данные политологами, в то время как сугубо лингвистического определения кризисного дискурса пока не существует. В частности, в русле данного подхода выполнены исследования И. Б. Кауфовой и Л. А. Кауфовой, в которых представлена классификация аргументативных стратегий британского кризисного дискурса [5]. Авторами выделяются стратегии легитимизации, интерпретации, ориентации, мотивации, демонстрации контроля, интеграции и агональности. При этом каждая стратегия имеет индивидуальное пропозициональное

содержание, специфические языковые лексико-синтаксические и прагматические средства реализации. Наименования стратегий, как и выборка фактического материала свидетельствуют о фокусе анализа на политическую составляющую в контексте выхода Великобритании из Евросоюза, одного из самых резонансных политических кризисов начала XXI в. Аргументативные стратегии политического дискурса в кризисной ситуации также изучались в диссертационном исследовании Н. С. Рядовой на материале речей президентов США и России.

То же определение кризисного дискурса, данное Т. Н. Митрохиной, встречаем в работах П. В. Кропотухиной, посвященных проблеме анализа концептуальной метафоры. Автор утверждает, что медиатексты кризисной коммуникации содержат специфический набор «точек дискурсивности», а также ряд языковых средств и приемов, имеющих особые цели и оказывающих более сильный воздействующий потенциал по сравнению с текстами относительно благополучных периодов [6]. Согласно П. В. Кропотухиной, кризис может рассматриваться как объект дискурса, новостное событие, он представляет собой оценку, интерпретацию, анализ конкретных фактов, а также содержит предысторию или прогнозы разной степени удаленности во времени. В данной структуре кризисного дискурса считаются те же узловые точки дискурсивности Т. Н. Митрохиной. При этом П. В. Кропотухина формулирует главную задачу адресанта кризисного дискурса: создание оптимальной коммуникативно-информационной среды, которая способна побудить реципиентов к действию и поддерживать солидаризирующую позицию с целевой аудиторией [6]. В рассматриваемых исследованиях П. В. Кропотухиной мы также наблюдаем достаточно узкий подход к интерпретации кризисного дискурса, который отождествляется с политическим дискурсом и анализируется по той же схеме. Новизна работы состоит в выделении метафорических моделей концептуализации кризиса.

Как можно наблюдать из вышеизложенного обзора отдельных исследований, отражающих общую тенденцию в подходах к анализу и описанию кризисного дискурса, открытыми остаются вопросы лингвистического определения данного вида дискурса, его классификации и структуры.

Значимый вклад в определение семантики и прагматики кризисного дискурса внесло исследование Е. В. Пильгун [7], в котором анализируется коммуникативная цепочка «цель – интенция – стратегия – тактика – прием» в контексте кризисных ситуаций, а также идентифицируются лингвистические способы идеологизации массового сознания, языковые доминанты, используемые авторами в сообщении о кризисе, с помощью которых ведется воздействие на аудиторию с целью идеологизации картины мира. По определению Е. В. Пильгун, «кризисный дискурс представляет собой совокупность дискурсивных практик, описывающих и сопровождающих кризисы на разных этапах преодоления, поэтому исследование кризисного дискурса предполагает анализ языкового материала с учетом пространственно-временных условий его существования, а также характеристик целевой аудитории» [7, с. 6].

В этой связи отдельный интерес представляет попытка Ф. А. Ветрова описать модель отражения кризиса как социально-экономического феномена, опираясь на принципы критического дискурс-анализа Н. Фэрклоу и дискурс-анализа Э. Лаклау и Ш. Муффа [2, 8–10].

Подход к исследованию дискурса Нормана Фэрклоу представляется более ориентированным на анализ текста. Дискурс в данном ключе интерпретируется как коммуникативное событие и как дискурс-строй (совокупность дискурсов, функционирующих в определенной социальной области) [10]. Трехмерная модель анализа дискурса Н. Фэрклоу на первом этапе включает исследование текста с применением функционально-когнитивного и лексико-семантического анализа. Затем следует анализ дискурсивной практики, предполагающей воспроизводимость в рамках одной дискурсивной формации. И на завершающем этапе следует акцентировать исследовательское внимание на социальной практике, требующей описания социальных процессов и структур, которые привели к созданию текста и внутри которых возникают значения во взаимодействии с текстами. Таким образом, критический

дискурс-анализ Н. Фэрклоу предполагает обязательное включение в методологический арсенал лингвистического текстового анализа языка в процессе изучения дискурса социального взаимодействия, в то же время дискурс, по мнению М. Фуко и Н. Фэрклоу, основан на анализе социальных и коммуникативных действий [10–13]. То же понимание связи дискурса и социальных факторов находим в работах П. Бергера, Т. Лукмана и Ю. Хабермаса [14, 15]. Естественно предположить, что и кризисный дискурс не может функционировать вне системы социальных и коммуникативных действий. При этом определенную сложность представляет собой соблюдение принадлежности к лингвистической сфере проведения исследований. Очевидно, что междисциплинарного подхода в анализе кризисного дискурса избежать будет невозможно. В современном дискурс-анализе приветствуется мультиперспективный характер проводимых исследований, объединяющий различные теоретические подходы.

Подтверждением данного умозаключения служит постструктуралистская теория дискурса, обоснованная Э. Лаклау и Ш. Муфф. Исследователи рассматривают дискурс как продукт, генерируемый в ходе и в результате артикуляции представлений о социальной реальности [8, 9]. Ученые утверждают, что значения невозможно установить однозначно и окончательно, поскольку структуры значения постоянно пересматриваются в социальном контексте посредством соглашений, переговоров и конфликтов. Следовательно, использование языка и в данной теории представляется как социальный феномен. Дискурс, согласно Э. Лаклау и Ш. Муфф, никогда не бывает полностью зафиксированным и закрытым, поскольку он преобразовывает знаки и элементы в моменте. И чтобы получить значение знака, его следует расположить и рассмотреть относительно других знаков. Цель дискурс-анализа, в соответствии с данным подходом, установить процесс формирования значений в дискурсе, т. е. определить, как конструируется реальность и объективность [8].

Подводя промежуточный итог рассмотренным подходам к определению и анализу дискурса в свете постструктурализма, отметим, что дискурс, в том числе кризисный, и социальная практика находятся в диалектических отношениях с другими социальными измерениями, а использование языка необходимо изучать эмпирически в социальном контексте. В этом с вышеупомянутыми коллегами соглашается Т. ван Дейк, предлагающий социокогнитивный подход к анализу кризисного дискурса [16].

Социокогнитивный подход Т. ван Дейка к анализу кризисного дискурса предполагает исследование триады «текст – когниция – общество», в которой дискурс рассматривается как социальная практика, опосредованная ментальными репрезентациями. В кризисных ситуациях (экологических, политических, медицинских) элиты через СМИ и официальные заявления активизируют идеологические квадраты – когнитивные стратегии, подчеркивающие положительные действия «своей» группы и отрицательные – «чужих», что ведет к поляризации («мы/они»). Например, в пандемийном дискурсе власти могли представляться как «защитники» («свои»), а нарушители карантина – как «безответственные» («чужие»). Кризисный дискурс здесь не просто отражает события, а конструирует их через ментальные модели – ситуативные представления, фильтруемые идеологиями (национализм, этатизм). Это позволяет доминирующим группам легитимировать меры контроля, маскируя системные проблемы путем каузальной мистификации (объяснения кризиса внешними причинами или ошибками отдельных лиц) [17–19]. Таким образом, подход Т. ван Дейка раскрывает, как язык в кризисе становится инструментом власти, воспроизводящим гегемонию через управление общественным сознанием.

Во многом идеи Т. ван Дейка пересекаются с постулатами теории Т. Л. Селлнау и М. В. Сигера, ставшей итогом их совместного исследования «Теоретизирование кризисной коммуникации» [20]. Оба подхода объединяет фундаментальный отказ от рассмотрения кризисной коммуникации как нейтрального инструмента по передаче «фактов» и движению к их единообразному восприятию. Вместо этого они видят в кризисе дискурсивное поле острой борьбы за значение, где конкурирующие нарративы борются за доминирование в общественном сознании. Как и Т. ван Дейк, так и Т. Л. Селлнау с М. В. Сигером подчеркивают,

что эффективность коммуникации определяется не технической точностью, а ее социальной и когнитивной укорененностью. Для ван Дейка это способность сообщения резонировать с существующими ментальными моделями и идеологиями аудитории [17, 18], а для Селлнау и Сигера – его соответствие нарративной вероятности (правдоподобию) и верности (соответствию более широким культурным историям) [21, 22]. Таким образом, оба подхода сходятся в том, что успешный кризисный дискурс – это тот, который не противоречит, а умело встраивается и активирует уже существующие в коллективном сознании когнитивные схемы, культурные сценарии и системы убеждений, будь то через идеологические квадраты «свой vs. чужие» или через апелляцию к архетипическим сюжетам, таким как «герой», «жертва» или «спаситель».

Сопоставляя подходы Т. ван Дейка, с одной стороны, а также Т. Л. Селлнау и М. В. Сигера, с другой, наряду со сходствами можно заметить принципиальные различия. Теория Т. ван Дейка более критическая и макроскопическая. В данном случае исследователя интересует, как дискурс воспроизводит социальное неравенство и доминирование. Он вскрывает идеологические механизмы. Фокус в исследованиях Т. Л. Селлнау и М. В. Сигера более прикладной и управленческий. Они предлагают конкретный инструмент (нарративный подход) для того, чтобы организации могли создавать более убедительные сообщения, понимая эти когнитивные и культурные механизмы. Их подход менее политизирован и более нацелен на прагматику кризисного дискурса. Отталкиваясь от данного подхода, авторами предлагается следующее определение кризисной коммуникации – это «непрерывный процесс создания общего смысла среди групп, сообществ, отдельных лиц и организаций в экологическом контексте кризиса с целью подготовки к угрозам и вреду, а также их снижения, ограничения и реагирования на них» [20, р. 13]. Однако и в приведенном определении мы наблюдаем достаточно узкий подход, отражающий последствия взаимодействия общества и технологий, их воздействие на окружающую среду и, как следствие, возникающий кризис.

Заключение. Подводя итог проведенному анализу специальной научной литературы, предпримем попытку сформулировать определение кризисного дискурса в более широком и универсальном ключе с акцентом на лингвистическую составляющую данного феномена. Итак, кризисный дискурс может пониматься, как социально детерминированный тип коммуникации, вербализующий осмысление экстраординарной ситуации, нарушения нормального функционирования системы (социальной, экономической, политической, экологической и др.) через совокупность взаимосвязанных текстов и коммуникативных практик. В лингвистическом измерении он представляет собой динамическое семиотическое пространство, где конкурирующие нарративы борются за доминирование в конструировании социальной реальности.

Его сущность определяется не столько тематикой, сколько специфической дискурсивной структурой, включающей обязательные прагматические координаты («узловые точки дискурсивности»): признание кризиса, каузальная атрибуция, идентификация виновников и жертв, легитимация антикризисных мер, прогнозирование последствий; специализированный лингвистический инструментарий: стратегии поляризации («свой»/«чужие»), аргументативные тактики (легитимизация, агональность), концептуальные метафоры катастрофизма, лексико-грамматические маркеры чрезвычайности; когнитивные механизмы рецепции, опосредованные ментальными моделями и идеологическими схемами, которые обеспечивают социально-психологическое воздействие на аудиторию через апелляцию к архетипическим сценариям.

Отличительной чертой кризисного дискурса является его диалектическая природа: будучи продуктом социального кризиса, он одновременно становится активным фактором его конструирования, усиления или смягчения, выполняя не только репрезентативную, но и перформативную функцию в общественном сознании.

Изучение кризисного дискурса перестало быть узкоакадемической задачей и превратилось в междисциплинарную область на стыке лингвистики, политологии, социологии и

психологии. Оно необходимо не только для понимания того, как язык отражает кризис, но и для осознания того, как язык его конструирует и усугубляет. В эпоху перманентной турбулентности это направление становится ключевым для прогнозирования и смягчения последствий социальных потрясений.

Список литературы

1. Ветров Ф. А. Моногород vs Инноград: полюса кризисного дискурса (по материалам журнала «Эксперт») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 3 (40). С. 47–50.
2. Ветров Ф. А. Модель отражения кризиса как социально-экономического феномена в деловом журнале (по материалам журнала «Эксперт») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 4 (42). С. 71–74.
3. Ветров Ф. А. Кризисный дискурс в деловых изданиях (на материале журнала «Эксперт») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 1 (36). С. 43–46.
4. Митрохина Т. Н. Кризисный дискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 1. С. 136–139.
5. Кауфова И. Б., Кауфова Л. А. Аргументативные стратегии британского кризисного дискурса // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11, № 4. С. 246–261.
6. Кропотухина П. В. Концептуальные метафоры кризисного дискурса Великобритании // Политическая лингвистика. 2017. № 2. С. 94–99.
7. Пильгун Е. В. Семантика и прагматика кризисного дискурса. Минск: ИВЦ Минфина, 2020. 203 с.
8. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985. 198 p.
9. Laclau E. On Populist Reason. London: Verso, 2005. 276 p.
10. Fairclough N. Language and Power. Pearson Education, 2001. 226 p.
11. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research // Psychology Press. 2003. 270 p.
12. Foucault M. L'Ordre du discours: leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970. Gallimard, 1971. 81 p.
13. Foucault M. L'Archéologie du savoir. Gallimard, 2008. 288 p.
14. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Open Road Media, 2011. 219 p.
15. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. MIT Press, 1991. 326 p.
16. Van Dijk T. A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. London: Cambridge University Press, 2008. 282 p.
17. Van Dijk T. A. Ideology: A Multidisciplinary Study. London: SAGE Publications Ltd, 2000. 103 p.
18. Van Dijk T. A. Society and Discourse: How Social Context Influences Text and Talk // Journal of Language and Politics. 2010. 9 (3). URL: https://www.researchgate.net/publication/263249037_Society_and_Discourse_How_Social_Contexts_Influence_Text_and_Talk (accessed 10.01.2026).
19. Van Dijk T. A. Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach // Language in contrast. 2016. 16 (2). 280–284. URL: https://www.researchgate.net/publication/308271463_Teun_A_van_Dijk_Discourse_and_Knowledge_A_Sociocognitive_Approach (accessed 10.01.2026).
20. Sellnow T. L., Seeger M. W. Theorizing Crisis Communication. Wiley-Blackwell, 2013. 280 p.
21. Seeger M. W., Sellnow T. L. Narratives of Crisis: Telling Stories of Ruin and Renewal. Stanford University Press, 2016. 216 p.
22. Seeger M. W., Sellnow T. L., Ulmer R. R. Communication and Organizational Crisis. Bloomsbury Academic, 2003. 297 p.

References

1. Vetrov F. A. Monogorod vs Innograd: the poles of crisis discourse (based on the materials of the Expert magazine). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2012, no. 3 (40), pp. 47–50 (In Russian).
2. Vetrov F. A. A model for reflecting the crisis as a socio-economic phenomenon in a business magazine (based on the materials of the Expert magazine). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2012, no. 4 (42), pp. 71–74 (In Russian).
3. Vetrov F. A. Crisis discourse in business publications (based on the material of the Expert magazine). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2012, no. 1 (36), pp. 43–46 (In Russian).
4. Mitrokhina T. N. Crisis discourse. *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], 2016, no. 1, pp. 136–139 (In Russian).
5. Kaufova I. B., Kaufova L. A. Argumentative strategies of the British crisis discourse. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern researches of social problems], 2019, vol. 11, no. 4, pp. 246–261 (In Russian).
6. Kropotukhina P. V. Conceptual metaphors of the UK Crisis Discourse. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2017, no. 2, pp. 94–99 (In Russian).
7. Pil'gun E. V. *Semantika i pragmatika krizisnogo diskursa* [Semantics and pragmatics of crisis discourse]. Minsk, IVTs Minfina Publ., 2020. 203 p. (In Russian).
8. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London, Verso Publ., 1985. 198 p.
9. Laclau E. *On Populist Reason*. London, Verso Publ., 2005. 276 p.
10. Fairclough N. *Language and Power*. Pearson Education, 2001. 226 p.
11. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. *Psychology Press*, 2003. 270 p.
12. Foucault M. *L'Ordre du discours: leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 Décembre 1970*. Gallimard, 1971. 81 p. (In French).
13. Foucault M. *L'Archéologie du savoir*. Gallimard, 2008. 288 p. (In French).
14. Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. *Open Road Media*, 2011. 219 p.
15. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. *MIT Press*, 1991. 326 p.
16. Van Dijk T. A. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. London, Cambridge University Press Publ., 2008. 282 p.
17. Van Dijk T. A. *Ideology: A Multidisciplinary Study*. London, SAGE Publications Ltd Publ., 2000. 103 p.
18. Van Dijk T. A. Society and Discourse: How Social Context Influences Text and Talk. *Journal of Language and Politics*, 2010, 9 (3). Available at: https://www.researchgate.net/publication/263249037_Society_and_Discourse_How_Social_Contexts_Influence_Text_and_Talk (accessed 10.01.2026).
19. Van Dijk T. A. Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. *Language in contrast*, 2016, 16 (2), pp. 280–284. Available at: https://www.researchgate.net/publication/308271463_Teun_A_van_Dijk_Discourse_and_Knowledge_A_Sociocognitive_Approach (accessed 10.01.2026).
20. Sellnow T. L., Seeger M. W. *Theorizing Crisis Communication*. Wiley-Blackwell, 2013. 280 p.
21. Seeger M. W., Sellnow T. L. *Narratives of Crisis: Telling Stories of Ruin and Renewal*. Stanford University Press, 2016. 216 p.
22. Seeger M. W., Sellnow T. L., Ulmer R. R. *Communication and Organizational Crisis*. Bloomsbury Academic, 2003. 297 p.

Информация об авторе

Шевцова Алеся Константиновна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии. Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилев, Республика Беларусь). E-mail: shevtcova@m.msu.by. SPIN-код: 1701-9221. ORCID: 0000-0002-3041-6862.

Information about the author

Shevtsova Alesia Konstantinovna – PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Romance-Germanic Philology. Mogilev State A. Kuleshov University (1 Kosmonavtov str., 212022, Mogilev, Republic of Belarus). E-mail: shevtcova@m.msu.by. SPIN code: 1701-9221. ORCID: 0000-0002-3041-6862.

Поступила 16.01.2026